

С.М. ЧЕРВОННАЯ,
доктор искусствоведения,
Институт этнологии и антропологии РАН

Об оценке сепаратизма

Я хотела бы поставить вопрос об оценке сепаратизма. Не кажется ли Вам, господа, что вопрос этот требует дифференциации? Что не существует общего понятия сепаратизма как такового? Что сепаратизм, во всяком случае в нынешней геополитической ситуации, в постсоветском пространстве,

грубо говоря, бывает белым и черным, или белым и красным. И что для оценки реальных событий, происходящих в том или ином регионе, которые внешне выражаются как сепаратистские тенденции, как провозглашение независимости какой-то части территории страны и так далее, требуется анализ прежде всего политологический. Во имя чего провозглашается независимость, какие силы за этим стоят? Или сепаратизм — это все-таки какое-то цельное общее явление, заслуживающее общего анализа, общей оценки, и видимо общего осуждения, поскольку сепаратистские тенденции дестабилизируют ситуацию? В западноевропейской и американской науке я с этими проблемами не сталкивалась, но очень хорошо знаю реакцию коллег в Германии и в Австрии. Там существует отталкивание от сепаратизма в целом, т.е. страх перед сепаратизмом как дестабилизирующей тенденцией, нежелание вникнуть в особенности сепаратизма (скажем чеченского, абхазского, приднестровского, польского в Литве и т.д.). Все, что хоть чуть-чуть носит сепаратистский характер, представляется безумно страшным и вызывает тенденцию отталкивания.

Мне кажется, что в российской науке (и вообще постсоветской) науке должно преобладать иное отношение к сепаратизму, более дифференцированное, более тонкое, связанное с исследованием простейших вопросов — кому выгодно, кто за этим стоит? Лично для меня совершенно очевидно что тот сепаратизм, который явно просвечивается в Приднестровье, — это сепаратизм реакционный, от которого я готова отрешиваться как угодно. Я осуждаю его с гражданской и, если хотите, с научной позиции, считая его враждебным по отношению к молодому демократическому молдавскому государству. Такое же отношение у меня и к абхазскому сепаратизму, к политике Ардзинтбы, за которой стоят определенные "черные" силы. Это я знаю по документам и материалам.

И в то же время тот сепаратизм, за которым стоит право народа на самоопределение, за которым стоит такое понятие, как национально-освободительное движение, этот сепаратизм не должен нас ни пугать, ни вызывать категорически негативного отношения. Он должен быть предметом очень внимательного, а порой и сочувственного анализа и понимания.

Мне кажется, что понятие национально-освободительная борьба отнюдь не устарело. В.А.Тишков не считает нужным полемизировать об актуальности и значимости такого понятия, он даже не находит никаких аргументов для людей, действительно в этом убежденных, а просто отмежевывается от этих понятий как анахронических и не имеющих никакого отношения к нашей действительности. Для меня это не очевидно. Если этот вопрос представляет интерес для коллег из разных регионов, и по этому направлению пошла бы дискуссия, было бы интересно.

Хотелось бы сказать и о том, что вчерашний доклад А.Г.Здравомыслова на пленарном заседании меня очень заинтересовал, и возникло желание с ним поспорить. Вы в российском пространстве, как я поняла, нашли единственный этнический конфликт — осетино-ингушский. Но мне кажется, что чисто этнических конфликтов нет вовсе. Все они имеют и какую-то иную природу, окраску, сопряженность с чем-то другим. По-моему, осетино-ингушский конфликт — это классический вариант территориального конфликта. (Голос из зала: Государственный конфликт.) Да. После создания Ингушетии, конечно. Я тоже рассматриваю ее как государство, хотя в какой-то степени ингушская государственность — это игрушка в руках российской администрации. В то же время элемент этнического конфликта, сопряженного с социальным, государственным, территориальным, гораздо шире распространен. И фактически мы имеем дело с элементами этнического конфликта во всех других случаях и внутри России, и даже тогда, когда дело не доходит до вооруженного конфликта, остается на уровне бытового сознания, например, антисемитизм. Разве это не вариант этнического конфликта, разве это только наше прошлое? Это же тоже имеет место сегодня в России. Мне кажется, не следует сводить этнические конфликты только к осетино-ингушскому, как какому-то исключению.

Я внимательно слежу за развитием ситуации в Поволжье, в Татарстане. Поверьте, и там есть элементы этнического конфликта. Безусловно за этим стоят государственные интересы, интересы большой нефти, но очень часто это обретает и этнические формы. Татарско-русский диалог не такой уж простой с обеих сторон. И с русской стороны есть элементы татарофобии, которые проникают и в журналистику, и в прессу, и в интеллигентское сознание; и с татарской стороны есть соответствующие антирусские высказывания и настроения. Так что поле этнических конфликтов у нас шире. Но таких ситуаций, где бы он выступал в совершенно дистиллированном виде, не переплетаясь с территориальными претензиями, с государственными интересами и иными моментами, особенно социальными, вообще не существует.

Вопрос: Вы затронули очень интересную тему и сделали акцент на необходимость исследования внутренних сил, поиск тех, "кому это выгодно". А не считаете ли Вы, что обязательно должна присутствовать и оценка последствий сепаратизма?

Ответ: Да. Безусловно. Это очень верное дополнение. Последствия — самое важное.

Вопрос: Я хотел бы, чтобы Вы прокомментировали возможные последствия сепаратистских тенденций.

Ответ: Вчера об этом очень интересно говорили коллеги. В выступлении Л.А.Арутюнян была выдвинута идея, что Турция, от-

пустив чужие группы или территории, как государство стала сильнее, могущественнее, так как начала представлять интересы этнически консолидированного народа-нации. Вчера шла речь и о том, что раздробление большого государства на малые государства — это огромный прогресс с точки зрения демократии, ибо большие империи бывают очень склонны к тоталитарным системам, в то время как на примере Европы, которая является союзом малых и средних государств, мы видим очень широкое поле для развития демократии.